

Л. П. БРЫСИН
(Москва)

О СЛОВАХ ХЛЕБОРОБ И ХЛОПКОРОБ

На страницах нашей печати довольно часто мелькают слова *хлебороб* и *хлопкороб*: «Большие и ответственные задачи в земледелии стоят перед *хлеборобами* Поволжья» («Сельское хозяйство» от 4 апреля 1954 г.); «Осень торопит

хлеборобов» («Советская Россия» от 28 августа 1962 г.); «Заботливо ухаживают за посевами передовые *хлопкоробы* страны» («Правда» от 30 июня 1954 г.); «В нынешнем году на достижение передовиков равняются все таджикские *хлопкоробы*» («Известия» от 3 марта 1961 г.).

Какова история этих слов? Что представляет собой вторая часть *-роб*? Наконец, почему эти два слова стоят несколько особняком, не дополняясь подобными себе образованиями от других именных основ?

Слово *хлебороб* впервые отмечено в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова: «*Хлебороб, а, м.* [укр.] (книжн.). Хлебопашец, крестьянин». Обращает на себя внимание помета [укр.]. Действительно, слово *хлебороб* — заимствовано русским языком из украинского, где, кроме слова *хлебороб*, есть глагол *хліборобити* — заниматься земледелием — и производные от *хлібороба*: *хліборобка* — женщина, занимающаяся хлебопашеством; *хліборобник* — с тем же значением, что и *хлібороб*; *хліборобний* — пахотный (о земле), *хліборобство* — земледелие, хлебопашество¹. Таким образом, в украинском языке слово *хлібороб* и однокоренные с ним образуют разветвленную систему, сходную с той, которую образуют в русском слова *земледелец, земледелие, земледельческий, земледельчество*.

Однако в русском языке слову *земледелец* нет глагольного соответствия, как в украинском (*хлібороб — хліборобити*). Части *делец* и *-дел* (*винодел, бракодел*) превратились в своего рода суффиксы, с помощью которых от именных основ образуются новые слова. Никаких сложных глаголов-соответствий (типа «бракоделать», «земледелать») не существует².

В украинском языке *-роб* также представляет собой «суффиксонд», синонимичный русскому *-дел*. Поэтому слова типа *хлібороб* образованы так же, как *винодел*, а глагол *хліборобити* является производным от существительного. Последнее утверждение подкрепляется тем, например, что в ряде случаев существительным со второй частью

-роб в украинском языке нет глагольных соответствий (ср.: *винороб, землероб, бракороб* и др.). Таким образом, если русскому языку вообще не свойственно образование сложных глаголов со второй частью *-делать* (в соответствии с существительными на *-дел*), то в украинском языке в некоторых случаях существуют сложные глагольные образования от имен со второй частью *-роб*.

Время заимствования слова *хлебороб* русским языком точно установить трудно. В речи русских жителей украинских городов, а затем и в говорах южных областей России оно появилось, по-видимому, давно. Другое дело, что оно не попадало в письменные документы. Но приводимые ниже примеры позволяют говорить о том, что слово *хлебороб* уже в конце XIX в. не воспринималось как яркий украинизм, употребление которого в русском тексте должно быть строго регламентировано: «Мы, *хлеборобы*, животики над этим надрываем, а вы и не улыбнетесь» («Новое время», 1897, № 7793); «А беспородная всероссийская живность и растительность ухитряется существовать сама и жить дает серому *хлеборобу*» («Новое время», 1899, № 8394, — заметка В. С. К. «Беспородные» о плохом содержании скота в России). Ср. в той же заметке употребление исконно русских слов *крестьянин* и *земледелец*: «*Крестьянин* все внимание обращает на работу в поле, на добычу зерна...»; «Из 35 миллионов птичьего вывоза на руки *земледельцам* достается очень немного».

Хлебороб употребляется в произведениях русских и советских писателей как обычное, вполне литературное слово, не носящее никаких особых стилистических или смысловых оттенков³:

«Ведь производили же русские поля и русский овес тяжеловесных

¹ См.: «Словарь украинского языка», под ред. Б. Д. Гринченко, т. IV, Киев, 1909, стр. 401—402.

² Это подтверждается и на примере слов с другими, подобными *-дел*, суффиксами (*-воз, -вод* и т. п.).

³ Любопытно, что ранние примеры употребления слова *хлебороб* встречаются у писателей «южан» (Куприн, Серафимович, Шолохов, Макаренко), и лишь позднее это слово расширило «географию» своего употребления (см. примеры).

битюгов, великолепных скакунов, отличнейших рысаков... Но одно дело спорт и забава, и совсем другое — рабочая лошадь хозяина *хлебороба*» (А. И. Куприн, Бредень); «—Захару Касынычу নিজайшее почтение. Вот денжат привез,— говорит... приехавший из хutora верст за пятьдесят *хлебороб*, черный от загара» (А. Серафимович, Город в степи); «В глупой, ребячьей наивности он [Григорий] предполагал, что достаточно вернуться домой, сменить шинель на зипун, и все пойдет как по-писаному; никто ему слова не скажет, никто не упрекнет, все устроится само собой, и будет он жить да поживать мирным *хлеборобом* и примерным семьянином» (М. Шолохов, Тихий Дон); «Еще недавно нищий *хлебороб*, он [новый человек] оказался способнейшим техником. Целыми миллионами он стал к сложнейшим станкам и агрегатам...» (А. С. Макаренко, Статьи и выступления по общим вопросам коммунистического воспитания); «Восемь семей покидало родное село... Не хватало *хлеборобам* земли, а тут прошел слух, что далеко-далеко, за Доном-рекой, за Волгой-рекой, за Уралом-рекой, лежат немеренные, непаханные земли» (В. Солоухин, Рождение Зернограда); «—Хакасы — древние скотоводы — верно, но и как *хлеборобы* не моложе,— продолжал Кончаров» (А. Кожевников, Живая вода); «Стою, мучаюсь, мыслей не соберу, слов не отыщу... А впереди в зале тысячи лучших *хлеборобов*» (Г. Николаева, Повесть о директоре МТС и главном агрономе).

Совершенно иная судьба у слова *хлопкороб*. Оно не заимствовано из украинского языка⁴, а образовано на русской почве от слова *хлопок* по аналогии с *хлебороб*. Морфема *-роб* в этом случае выступила как словообразовательный элемент уже в системе русского, а не украинского языка. Такому «самостоятельному» действию мор-

фемы, которая первоначально присутствовала только в одном слове *хлебороб*, способствовало то, что первая часть (*хлеб-*) легко вычленяется (ср. невозможность подобного морфологического членения одиночного слова, заимствованного из какого-либо неродственного языка). То, что *-роб* в русском языке сделалось словообразовательным аффиксом, подтверждается, в частности, фактами окказионального словообразования: «В тайге с богатством соболиным бредет охотник сетью троп, и в Приханкайскую долину выходит первый *рисороб*» (Т. Корешов, Весна, Владивосток, 1950).

Слово *хлопкороб* появилось как «конкурент» ранее существовавшего *хлопковод*⁵. Впервые оно зарегистрировано во 2-м издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (М., 1952), но возникло и стало употребляться гораздо раньше. Об этом свидетельствуют некоторые из наших примеров, взятые из газет начала 30-х годов: «Хромает снабжение *хлопкоробов* промтоварами и хлебом» («Правда» от 17 ноября 1931 г.); «Вся тяжесть продовольственного снабжения *хлопкоробов* и всего населения республики [Узбекистана] лежала почти исключительно на хлебных районах Советского Союза» («Известия» от 27 мая 1933 г.); «На всесоюзном съезде писателей, в кулуарах, молодой таджикский писатель рассказывал о новой зажиточной жизни колхозных *хлопкоробов*» («Литературная газета», 1934, № 134); «Пролетарии Москвы, Ленинграда, Иваново-Вознесенска, Твери, Серпухова и других центров текстильной промышленности послали свои бригады в помощь колхозникам и единоличникам-*хлопкоробам*» («Правда» от 15 июня 1932 г.).

Следует сказать, что, несмотря на употребление слов *хлебороб* и *хлопкороб* в художественной лите-

⁴ По-украински *хлопок* — *бавовна*, а *хлопкороб* — *бавовнороб*.

⁵ В газетах начала 20-х годов находим только это слово. Ср.: «Снабжение хлебом хлопководов» («Известия» от 1 апреля 1923 г.).

ратуре, а иногда и в устной речи⁶, основной сферой их обращения является газетный стиль речи. В последние годы редкая корреспонденция о севе или уборке урожая обходится без слов *хлопкороб* и особенно *хлебороб*. Последнее превра-

щается порой в штамп, в универсальный заменитель слов *земледельцы, колхозники, крестьяне* и др. (ср. ходячие газетные заголовки типа «Хлеборобы рапортуют», «Хлеборобы обязуются», «Долг хлебороба» и т. п.). Такое злоупотребление одним словом в ущерб другим, синонимически близким словам, всегда приводит к обеднению, к стертости и невыразительности речи.

⁶ Ср.: «Народ — все *хлеборобы*. Торговлей какой аль спекуляцией Ирклиевская (станица) сроду не славилась» («Статьи и речи колхозников», М., 1934, стр. 24).